

На правах рукописи



**Бахарев Дмитрий Вадимович**

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ  
АНАЛИЗ ПРИЧИННОГО КОМПЛЕКСА ПРЕСТУПНОСТИ:  
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОДЫ, ПРАКТИКА**

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
доктора юридических наук

Специальность 12.00.08 - Уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право

Екатеринбург - 2016

Работа выполнена на кафедре уголовного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет»

Научный консультант: **Козаченко Иван Яковлевич**,  
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Гишинский Яков Ильич**,  
доктор юридических наук, профессор,  
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»,  
заведующий кафедрой уголовного права

**Квашин Виталий Ефимович**,  
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,  
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ»,  
главный научный сотрудник

**Репецкая Анна Леонидовна**,  
Заслуженный юрист Российской Федерации,  
доктор юридических наук, профессор,  
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД РФ»,  
профессор кафедры уголовного права и криминологии

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток)**

Защита состоится 9 февраля 2017 г. в 10 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.282.03, созданного на базе ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», по адресу: 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Уральского государственного юридического университета [www.usla.ru](http://www.usla.ru).

Автореферат разослан « \_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2016 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор юридических наук, профессор



З.А. Незнамова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Познание механизма детерминации преступности - одна из основных задач криминологии. Отечественная наука в 1970-1980-х гг. серьезно продвинулась в ее решении, в том числе, и во многом благодаря организации широкомасштабных исследований в области изучения географии преступности или закономерностей формирования ее территориальных различий. Вместе с тем необходимо отметить, что с начала 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени подобного рода исследования постепенно переместились на периферию криминологического знания. Это было обусловлено тем, что большая часть тех выводов, к которым пришли советские ученые, во многом противоречит реалиям сегодняшнего дня. В частности, криминологами Советского Союза было отмечено, что в большинстве случаев в регионах с наибольшим коэффициентом прибытия мигрантов фиксировался и повышенный уровень преступности; в регионах же с наименьшим коэффициентом прибытия, напротив, данный показатель был гораздо ниже. Однако в наши дни даже предварительное изучение показателей преступности в регионах с наибольшим оттоком и притоком мигрантов свидетельствует о том, что показатели преступности в регионах-«донорах» значительно превышают аналогичные показатели в регионах-«реципиентах». Кроме того, если в советский период регионы интенсивного экономического освоения всегда были «проблемными» в плане преступности, то в современных условиях, напротив, активно развивающиеся в социально-экономическом плане территории, как правило, характеризуются относительно невысокими (в сравнении со среднероссийскими) показателями преступности.

Таким образом, ответа на вопрос о том, какие факторы в наши дни влияют на рост или снижение уровня преступности в субъектах Российской Федерации и, соответственно, формируют картину территориального распределения показателей преступности на территории России - географию российской преступности - пока не получено. Проводимые в последние десятилетия

исследования в этой области направлены, в большинстве случаев, на решение сугубо «описательных» задач: в них фиксируется картина уровня, структуры и динамики преступности по регионам, но сколько-либо серьезного прогресса в области объяснения закономерностей формирования подобной картины в условиях уже не планового, а рыночного способа хозяйствования, пока не произошло.

Тем не менее, представляется, что систематизация и обобщение накопленного в процессе реализации территориального подхода в криминологических исследованиях опыта, дальнейшее расширение и углубление на этой основе теоретической базы подобного рода исследований, а также усовершенствование комплекса применяемых при этом методов познания позволит результативно реализовать заложенный в данном подходе потенциал дальнейшего продуктивного изучения сущности и содержания причинного комплекса преступности. Таким образом, рассматриваемая проблема является актуальной для современной криминологической науки.

**Степень разработанности темы исследования.** Проблема познания причин преступности является центральной в криминологии. Наиболее значительный вклад в разработку ее теоретических аспектов внесли классические и фундаментальные труды следующих криминалистов: а) в дореволюционной криминологической науке - М.Н. Гернета, С.К. Гогеля, Д.А. Дриля, М.В. Духовского, Н.А. Неклюдова, А.Н. Радищева, И.Я. Фойницкого, Х.М. Чарыкова и др.; б) в советской криминологии - Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, Ю.Д. Блущштейна, А.А. Герцензона, Я.И. Гилянского, К.К. Горяинова, П.И. Гришаева, А.И. Долговой, В.К. Звирбуля, И.А. Исмаилова, И.И. Карпеца, В.Е. Квашиса, М.И. Ковалева, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева, И.С. Ноя, П.П. Осипова, С.С. Остроумова, В.В. Панкратова, А.Б. Сахарова, Л.И. Спиридонова, В.Е. Эминова, А.М. Яковлева и др.; в) в современной российской криминологии - Ю.А. Воронина, И.М. Мацкевича, С.Ф. Милкокова, В.А. Номоконова, С.Г. Олькова, Л.М. Прокументова, А.Л. Репецкой, А.В. Шеслера, Д.А. Шестакова и др.; г) в зарубежной криминологической науке прошлого - Р. Гарофало, Э.

Дюркгейма, Ф. Листа, Ч. Ломброзо, Н. Колаяни, А. Принса, Ф. Турати, Э. Ферри и др.; новейшего времени - Д. Белла, Р. Клаурда, А. Козна, Д. Кресси, Л. Оулин, Э. Сатерленда, Т. Селлина и др.

В работах названных ученых были подвергнуты глубокому и обстоятельному исследованию различные аспекты процесса познания закономерностей функционирования механизма детерминации преступности в обществе. Вместе с тем до настоящего времени не появилось монографических работ, в которых бы рассматривалась роль и оценивалось значение в исследовании причинного комплекса преступности такого направления криминологической науки как анализ закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности. Так, к проблемам теории, методологии и методики выявления причин (факторов) преступности посредством изучения закономерностей формирования территориальных различий ее показателей обращались: а) в дореволюционной криминологической науке - Д.П. Журавский, М.Ф. Заменгоф, Г.Б. Слиозберг, В.И. Срезневский, Е.Н. Тарновский, А.Н. Трайнин и др.; б) в советской криминологии - А.А. Габiani, Р.Г. Гачечиладзе, М.И. Дидебулидзе, Г.И. Забрянский, В.И. Кригер, Э.В. Кузнецова, А.А. Лепс, Е.Н. Мазин, Э.Э. Раска, В.А. Серебрякова, А.Ф. Соколов, В.Н. Сомин, Е.Б. Урланис и др.; в) в современной российской криминологии - В.И. Гладких, К.Т. Ростов, С.А. Шоткинов, Э.Г. Юзиханова и др.; г) в зарубежной криминологической науке прошлого - А. Герри, Э. Дюкпесье, К. Дюпен, А. Кетле, Г. Мейр и др.; новейшего времени - Л. Анселин, К. Каркач, Д. Кэмерон, П. Конгдон и др.

Кроме того, фактически не получили отражения в криминологических исследованиях по указанной проблематике результаты исследований в области изучения закономерностей развития социально-экономических процессов в территориальной (пространственной) проекции. В числе авторов наиболее значимых из них следует назвать: а) в советской географической науке - Н.Н. Баранского, А.Г. Гранберга, С.А. Ковалева, Н.Н. Некрасова, В.В. Переведенцева, В.В. Покшишевского, Ю.Г. Саушкина и др.; б) в современной российской социально-экономической географии - В.Л. Глазгычева, Н.В. Зубаревич, В.Л.

Каганского, Г.М. Лапто, Т.Г. Нефедову, А.Н. Пилясова, О.С. Пчелинцева, Б.Б. Родомана, А.И. Трейвиша и др.; в) в зарубежной науке прошлого - У. Айзарда, В. Кристаллера, В. Лаунхардта, Ф. Перру, И. Тюнена, Д. Фридмана, Т. Хегерстранда и др.; новейшего времени - Т. Венаблса, Э. Глейзера, П. Кругмана, Р. Лукаса, Ф. Мартина, П. Ромера, М. Фуджиты и др.

Таким образом, исследование, в котором на комплексной и синтезированной основе были бы осмыслены концептуальные положения этих трех научных направлений, представляло бы значительный интерес с точки зрения дальнейшего развития как теории детерминации, так и криминологической науки в целом.

**Цель и задачи исследования.** *Цель* исследования заключается в рассмотрении исторических, теоретико-методологических и практических аспектов применения пространственного анализа в процессе изучения причинного комплекса преступности.

Цель предопределила постановку и решение следующих *задач*:

- проведен ретроспективный анализ основных концепций причин преступности, сложившихся в отечественной и зарубежной криминологической науке;
- освещена роль и оценено значение территориального анализа в качестве одного из подходов к познанию причин преступности, проанализированы особенности его реализации в российских и зарубежных исследованиях;
- выявлены трудности и противоречия в реализации территориального подхода в рамках доминирующей в настоящее время в российской криминологии концепции изучения причин преступности;
- намечены пути их преодоления на основе современных достижений общественных наук, изучающих закономерности развития социально-экономических процессов в пространстве;
- обоснована теоретическая значимость и сформированы методологические основы реализации пространственного анализа как направления научных исследований, развивающегося в рамках географии преступности;

- на примере ряда регионов Центрального федерального округа Российской Федерации разработана и апробирована методика пространственного анализа причинного комплекса преступности;
- на основе полученных результатов сформулированы выводы о содержании и специфике проявления причинного комплекса преступности в Российской Федерации в современных условиях;
- с учетом этих выводов, составлены сценарии долгосрочного прогноза развития социально-экономической ситуации и тенденций преступности в регионах Центрального федерального округа, предложен комплекс мер, направленных на минимизацию рисков ухудшения криминогенной ситуации в них;
- обозначены роль и место пространственного анализа в качестве элемента системы профилактики преступности, разработан нормативный механизм ее реализации.

**Объект и предмет исследования.** *Объектом* данного исследования является механизм детерминации преступности и закономерности его функционирования в конкретных пространственно-временных границах отдельных социальных общностей. В качестве *предмета исследования* выступают исторические, теоретико-методологические и практические аспекты применения пространственного анализа в процессе изучения причинного комплекса преступности.

**Научная новизна исследования** заключается в разработке концептуальных основ изучения механизма детерминации преступности в пространственном аспекте. Научная новизна диссертации обосновывается тем, что в ней:

- определены основные исторические этапы развития представлений о содержании причинного комплекса преступности;
- раскрыты два основных подхода в изучении причинного комплекса преступности в современной криминологической науке - каузальный (причинный) и детерминистский;

- выявлена роль и оценено значение изучения закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности в процессе познания причинного комплекса преступности;
- прослежена история изучения причин существования территориальных различий преступности, а также проанализированы современные отечественные и зарубежные подходы к выявлению закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности;
- теоретически обосновано позиционирование географии преступности в качестве одного из разделов криминологической теории детерминации, изучающего причинный комплекс преступности в территориальном аспекте;
- выявлены противоречия в результатах современных исследований причин и закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности, осуществляемых на теоретической платформе каузального (причинного) подхода к изучению причин преступности;
- актуализирована задача теоретического свойства, решение которой дает возможность организовать подобного рода исследования в рамках детерминистской концепции поиска причин преступности, а именно - выявление закономерностей функционирования территориальных общностей регионального уровня на основе анализа и оценки факторов пространственного развития социально-экономических процессов;
- разработана методология пространственного анализа причинного комплекса преступности, т.е. выявления и последующего использования закономерностей функционирования региональных социально-территориальных общностей в целях познания механизма детерминации преступности;
- предложена и апробирована методика пространственного анализа причинного комплекса преступности на примере ряда регионов Центрального федерального округа РФ;
- выявлена основная причина повышения уровня преступности в указанных регионах в современных условиях - возникающий дисбаланс между потенциалом социально-экономического развития, которым обладает конкретная социальная



- общность на определенном этапе исторического развития человеческого сообщества в целом, и направленностью (вектором) и динамикой такого развития в реальности;
- составлены долгосрочные сценарии развития социально-экономической ситуации и тенденций преступности в регионах Центрального федерального округа, а также разработан комплекс мер, направленных на снижение вероятности ухудшения криминогенной ситуации в этих регионах;
  - выделен комплекс условий, способствующих возникновению подобного дисбаланса, основное из которых - сложившаяся в современной России гипертрофированная и малоэффективная система государственно-политических институтов, доминирующая по отношению к общественно-политическим институтам российского общества;
  - разработаны основные подходы к организации системы профилактики причин и условий преступности с учетом результатов их пространственного анализа.

**Теоретическая и практическая значимость работы.** *Теоретическая значимость* исследования определяется тем, что разработанный в ней метод пространственного анализа существенно расширяет методологию криминологических исследований в области познания механизма детерминации преступности и позволяет углубить и детализировать представление о сущности и содержании ее причинного комплекса. *Практическая значимость* результатов диссертационного исследования состоит в том, что они дают возможность на новой концептуальной основе осуществлять прикладные криминологические исследования по выявлению конкретных причин и условий преступности на государственном, региональном и поселенческом уровнях.

Результаты диссертационного исследования призваны дополнить существующую теоретико-прикладную базу, на которой основывается алгоритм разработки стратегий и комплексных целевых программ социально-экономического развития территорий различного уровня (регионов и населенных пунктов) в целом, и конкретно - в части снижения в них уровня социальной напряженности, проявляющейся, в первую очередь, в росте показателей преступности. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы при

преподавании соответствующих разделов криминологии, рассматривающих общие вопросы детерминации преступности, закономерности формирования ее территориальных различий, а также проблемы организации социального контроля над преступностью.

**Методологию исследования** составили базовые положения цикла социально-экономических наук (криминологии, социологии, региональной экономики, социально-экономической географии, демографии и др.), касающиеся сущности, содержания и методов изучения социальных явлений и процессов, в первую очередь, преступности. Исследование базируется на объективном диалектическом *методе* познания социальных и правовых явлений и процессов, относящихся к избранной теме, изучения их взаимосвязи и взаимодействия. В основу исследования также легли следующие общенаучные методы анализа и синтеза, исторический, логический, обобщения, абстракции, сравнения, системного анализа, моделирования и др. Использованы в диссертации картографические методы: визуальный анализ территориальной локализации изучаемых объектов; картометрия, т.е. измерение по картам расстояний, площадей и иных величин; изучение тенденций и динамики развития социально-экономических явлений и процессов в территориальной плоскости и др. Кроме того, в работе применен широкий спектр статистических методов: сводки и группировки, анализа абсолютных и относительных показателей, средних величин, рядов динамики и др.

#### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Процесс теоретического осмысления феномена преступности и ее причин и в отечественной, и в западноевропейской криминологической науке на протяжении XX в. развивался в рамках широкой социологической традиции, испытывая влияние определенных социологических теорий. В результате, тот теоретико-методологический фундамент, на котором базируется современная российская криминология, сформировался еще в советский период под влиянием господствовавшего тогда марксистского мировоззрения. Его отличительными особенностями стали, во-первых, декларирование имманентно противоречивой

сущности общественного организма, в котором социальные противоречия играют роль двигателя социального прогресса, а во-вторых, ярко выраженный макроуровневый подход к выявлению и объяснению закономерностей функционирования общественных явлений и процессов, включая преступность.

2. Указанные обстоятельства способствовали формированию в отечественной криминологии детерминистского подхода к познанию причин преступности (принципиально отличающегося от доминирующего в мировой криминологической науке каузального (причинного) подхода), исходная теоретическая посылка которого заключается в следующем: преступность, выступая в качестве одной из характеристик состояния общественного организма, детерминируется не отдельными элементами или явлениями общественной жизни, а всей совокупностью социально-экономических, общественно-политических и других факторов, воздействующих на преступность посредством интегрированного взаимодействия друг с другом. В рамках исследований, базирующихся на детерминистской теоретической платформе, основное внимание уделяется не выявлению конкретных факторов, находящихся в корреляционной взаимосвязи с показателями преступности (что характерно для каузального подхода), а познанию тех закономерностей, которым подчинена динамика преступности в трансформирующейся социальной системе. Любое значимое изменение показателей преступности при подобном подходе необходимо рассматривать в качестве проявления дисфункции общественного организма (наряду с иными социальными девиациями), т.е. отклонения от «нормального» порядка функционирования общества на определенном его историческом этапе. Таким образом, подобная социальная дисфункция должна рассматриваться в качестве фактора, обуславливающего повышение уровня преступной активности членов общества.

3. В период, последовавший за распадом СССР, активно завоевывавшая ранее позиции среди советских криминологов детерминистская концепция выявления причин преступности постепенно стала утрачивать свое влияние ввиду невозможности адекватно объяснить те изменения, которые происходили в сфере

преступности на постсоветском пространстве. Причиной подобного развития событий стало отсутствие понимания тех закономерностей, которым подчинен процесс функционирования и развития социально-территориальных систем поселенческого и регионального уровня в условиях формирования экономики рыночного типа.

4. Каузальный подход к объяснению причин преступности в пореформенный период, напротив, вновь вышел на первый план. Предпринятые в последние два десятилетия не только криминологами, но и специалистами в области смежных наук общественного цикла исследования в области изучения причин территориальных различий преступности позволили выявить явления социально-экономической действительности, оказывающие существенное влияние на изменение уровня, динамики и структуры преступности в трансформировавшихся условиях жизнедеятельности российского социума, дали возможность построить эконометрические модели взаимосвязи показателей преступности и различных социально-экономических и демографических факторов, но, тем не менее, не смогли сколько-либо исчерпывающе описать те закономерности, которым подчинен процесс формирования территориальных различий показателей преступности, а, следовательно, и сам механизм детерминации преступности в современном российском обществе.

5. Возобновление исследований по изучению закономерностей формирования территориальных различий преступности в современной России, базирующихся на идейной платформе детерминистского подхода к поиску причин преступности, должно послужить ключом к выходу из этой ситуации. Благодаря достижениям региональной экономики и социально-экономической географии, на стыке которых в настоящее время формируется новое междисциплинарное направление по изучению социально-экономических процессов в пространственной проекции, те закономерности, которым подчинен процесс развития территориальных социально-экономических систем (регионов и населенных пунктов) в условиях рыночного способа хозяйствования, также могут быть установлены, а знание

этих закономерностей может быть использовано в криминологических исследованиях по указанной проблематике.

6. Исходя из анализа последних достижений пространственной науки, следует заключить, что основными факторами, определяющими вектор и динамику развития социально-экономических процессов в пространстве регионов России в современных исторических условиях, выступают: 1) экономико-географическое положение региональной социально-экономической системы; 2) характер и структура поселенческой сети и, в первую очередь, городов; 3) численность и плотность населения; 4) уровень развитости инфраструктуры (прежде всего, транспортных артерий); 5) степень привлекательности территории с точки зрения жителей других регионов страны и иностранцев; 6) состояние экономической базы региона; 7) специфика сложившейся институциональной среды региона; 8) степень проявления в нем процесса «сжатия социального пространства».

7. Познание закономерностей функционирования территориальных систем регионального уровня на территории России можно осуществлять на основе анализа и оценки указанных факторов пространственного развития социально-экономических процессов. Выявление же и последующее использование закономерностей функционирования таких общностей в целях познания механизма детерминации преступности - пространственный анализ причинного комплекса преступности - будет представлять собой одно из направлений исследования причинного комплекса преступности посредством изучения закономерностей формирования территориальных различий ее показателей. Соответственно, пространственный анализ будет являться самостоятельным направлением научных исследований, осуществляемых в рамках географии преступности; последняя, в свою очередь, должна позиционироваться в качестве отдельного раздела криминологической теории детерминации, изучающего причинный комплекс преступности в территориальном аспекте.

8. Общеметодологическая схема пространственного анализа причинного комплекса преступности включает в себя три основных этапа: 1) пространственный анализ процесса функционирования социально-

территориальных общностей, расположенных в границах, очерченных административно-территориальным делением государства (например, границами субъектов Российской Федерации), относящихся к одной типологической подгруппе с точки зрения потенциала их социально-экономического развития; 2) анализ тенденций преступности в данных социально-территориальных общностях; 3) сопоставление результатов, полученных в ходе пространственного анализа процесса функционирования социально-территориальных общностей и анализа тенденций преступности в них; описание выявленных закономерностей функционирования механизма детерминации преступности в рассматриваемых социально-территориальных общностях.

9. Основная гипотеза, обоснованность которой может быть проверена посредством пространственного анализа причинного комплекса преступности, заключается в следующем: наиболее благоприятная в социально-экономическом плане обстановка, проявляющаяся в более высоких показателях уровня и динамики экономического развития территории, темпов воспроизводства её демографической базы, уровня здоровья, а также качества её населения в целом (уровень образования и т.д.), должна сформироваться в тех территориальных системах регионального уровня, в которых тенденции сжатия социально-освоенного пространства проявляются в наименьшей степени, тогда как позитивные урбанизационные и миграционные процессы, напротив, наиболее активны. Эти же территориальные системы, предположительно, должны отличаться и наиболее благоприятной криминогенной обстановкой: динамичный и поступательный вектор их социально-экономического развития должен благотворно сказаться на общем социальном самочувствии населения данных территориальных систем. Напротив, повышение градуса социального неблагополучия, увеличение масштабов и углубление степени социальных противоречий увеличивает вероятность возникновения частных проблемных (конфликтных) ситуаций, которые в каждом отдельном случае могут разрешиться и путем совершения преступления. Отсюда ухудшение показателей преступности должно рассматриваться в качестве сигнала о наличии определенных отклонений

от «нормального» варианта процесса функционирования определенной территориальной социально-экономической системы. Эти отклонения или дисфункции должны рассматриваться в качестве причины ухудшения показателей преступности в рамках данной территориальной системы.

10. В результате осуществления пространственного анализа причинного комплекса преступности в ряде регионов Центрального федерального округа России было установлено следующее. Социальное самочувствие населения региона, одним из основных показателей состояния которого является уровень преступности, зависит, во-первых, от потенциала, которым обладает каждая региональная социально-экономическая система, а во-вторых - от степени реализации этого потенциала, определяемой реально достигнутыми результатами экономического, демографического, социального и иных аспектов развития региональных систем. Чем выше подобный потенциал, чем шире диапазон возможностей для успешного социально-экономического развития региона, тем более высоких результатов в данном отношении он должен добиться. Неполноценная реализация заложенного потенциала ведет к ухудшению социального самочувствия населения региона и, с неизбежностью, к нарастанию негативных тенденций в сфере преступности. Соответственно, основной причиной, обуславливающей ухудшение состояния социального самочувствия населения и, соответственно, последующий рост уровня преступности в рамках той или иной региональной социально-экономической системы, выступает возникающий дисбаланс между тем потенциалом социально-экономического развития, которым обладает конкретная социальная общность на определенном этапе исторического развития людского сообщества в целом, и направленностью (вектором) и динамикой такого развития в реальности.

11. В качестве условий, способствующих возникновению подобного рода дисфункций в жизнедеятельности социально-территориальной общности, на сегодняшнем историческом этапе развития отечественного социума выступают недостатки в устройстве механизма государственно-общественного управления социально-экономическими процессами. Сложившаяся в настоящее время

система политических институтов на уровне регионов России, создает значительные препятствия на пути полноценной реализации как природно-ресурсного, так и человеческого потенциала этих регионов. Однако те общероссийские общественно-политические и социально-экономические условия, в которых сегодня вынуждены функционировать социально-территориальные системы регионального уровня, настолько неблагоприятны, что могут оказать негативное воздействие даже на позитивный вектор социально-экономического развития региональной социально-территориальной системы.

12. Важнейшим из этих условий, во многом определяющим возникновение и характер развития всех остальных, является гипертрофированная и малоэффективная система государственно-политических институтов, функционирующая, к тому же, в условиях явного дисбаланса, а точнее доминирования по отношению к общественно-политическим институтам российского общества. Последние не могут полноценно выполнять роль противовеса государственным структурам, что, в итоге, отрицательно влияет на состояние и динамику развития экономических институтов российского общества в последнее десятилетие, ведет к монополизации экономической сферы в целом. Преодоление этих противоречий, возвращение к модели поступательного социально-экономического развития возможно лишь при условии коренного реформирования политической структуры российского общества на принципах, зафиксированных в Конституции РФ. Только всеобщая демократизация и либерализация отечественной политической сферы может создать условия, при которых главная причина наступления стагнации в экономике и, как следствие, ухудшения криминогенной ситуации в регионах России - неполноценная реализация заложенного в них потенциала социально-экономического развития - постепенно будет снижать масштабы своего влияния.

13. В отсутствие трансформационных процессов в политической сфере российского общества значимое воздействие на региональные социально-экономические процессы в целях минимизации масштабов влияния указанной причины также теоретически мыслимо. При этом осуществляться оно в таких



условиях может исключительно на планово-директивной основе, с использованием в необходимых случаях института юридической ответственности субъектов профилактической деятельности. Однако даже предварительная прогнозная оценка эффективности подобного механизма профилактического воздействия на причинный комплекс преступности, представленная в работе, является достаточно низкой ввиду изначальной дефектности и уязвимости самой модели централизованного управления общественными процессами на современном этапе развития человеческой цивилизации.

**Степень достоверности результатов исследования** обеспечена методологической обоснованностью и непротиворечивостью его исходных теоретических положений, внутренней логикой исследования, достаточной научно-теоретической аргументацией высказываемых суждений и выдвигаемых теоретических положений, комплексным характером исследовательских приемов и процедур, применением надёжных и апробированных методов, адекватных сущности изучаемых явлений и процессов, соответствующих поставленной цели и задачам исследования.

Кроме того, достоверность результатов проведённого исследования подтверждается объемом и достоверностью использованных эмпирических данных, корректностью методик исследования и проведённых расчётов. *Эмпирическую базу исследования* составили: 1) статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ о различных аспектах социально-экономического развития ряда регионов Центрального федерального округа РФ (Белгородской, Брянской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской и Тверской областей) в 2003-2013 гг.; 2) статистические данные МВД и Росстата об объеме и уровне зарегистрированной преступности в этих регионах в 2003-2013 гг.; 3) статистические данные Росстата об итогах Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. в указанных регионах; 4) статистические и социологические данные, полученные другими научными коллективами и отдельными исследователями.

**Апробация результатов исследования.** Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», где проводилось ее рецензирование и обсуждение.

Основные положения диссертации и выводы нашли свое отражение в 54 научных публикациях, в том числе в 19 работах, рекомендованных ВАК, 2 монографиях, докладывались на международных и Всероссийских научно-практических конференциях (Екатеринбург, 2009, 2010, 2011 и 2012 гг.; Иркутск, 2012 и 2013 гг.; Краснодар, 2011 и 2012 гг.; Курск, 2010 г.; Москва, 2013 и 2014 гг.; Рязань, 2012 г.; Сургут, 2013 г.; Тамбов, 2012 г.; Тюмень, 2010, 2011 и 2012 гг.; Уфа, 2011, 2013 и 2014 гг.; Ханты-Мансийск, 2016 г.), а также озвучивались в рамках Европейско-Азиатского правового конгресса (Екатеринбург, 2011, 2012, 2013 и 2016 гг.).

Положения и выводы по диссертации учитывались при разработке учебной программы по дисциплине «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право» для аспирантов, обучающихся по специальности «12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», а также при чтении лекций и проведении практических занятий по криминологии у бакалавров и аспирантов в ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет».

**Структура диссертационной работы** определяется целью и задачами исследования и состоит из введения, пяти глав, объединяющих 13 параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, определяется цель и задачи исследования, его объект и предмет, раскрывается научная новизна диссертации, обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования, описывается методология и методы исследования, приводятся положения,

выносимые на защиту, оценивается степень достоверности результатов исследования и приводятся данные об их апробации, описывается структура работы.

*Главу I «Причинный комплекс преступности: эволюция концепций и подходов к изучению» открывает параграф 1.1., в котором анализируются наиболее значимые точки зрения представителей мировой и отечественной политико-философской мысли на преступность и ее причины, сформировавшиеся в период, предшествовавший зарождению криминологической науки. В работе отмечается, что к началу XIX столетия в умах наиболее выдающихся представителей философской и социально-политической мысли Западной Европы сложилось, в целом, сходное восприятие преступности в качестве своеобразного общественного феномена. При этом все чаще начинает высказываться и более решительно отстаиваться позиция о том, что плодотворное воздействие на преступность со стороны государства с целью снижения числа совершаемых его гражданами преступлений возможно за счет осуществления широкого круга организационных, административных, финансовых и иных мер по улучшению элементарных, бытовых условий жизни населения. Роль же, отводимая карательному законодательству вообще, и ужесточению уголовного наказания в частности, в системе государственных мер по противодействию преступности виделась их авторам гораздо менее важной. В связи с этим, все чаще у них встречается мысль о необходимости разработки широкого комплекса мер по сбору информации (в первую очередь, конечно, статистической), адекватно характеризующей состояние дел как в области преступности, так и в других наиболее важных сферах жизни общества. Соответственно, в течение XIX века в умах наиболее прогрессивных представителей общественно-политических кругов Европы постепенно выкристаллизовывается идея о необходимости формирования нового научного направления, занимающегося сбором и анализом таких данных, а также разработкой на этой основе рекомендаций по соответствующему изменению*

вектора внутренней политики как в государстве в целом, так и в отдельных его регионах.

В *параграфе 1.2.* описаны основные представления о причинах противоправного поведения, сформировавшиеся на момент зарождения криминологической науки. Как отмечает автором, в европейской науке XIX в. наблюдался резкий подъем исследовательского интереса к проблеме причин преступности. Данный исторический этап следует охарактеризовать как период невиданного ранее научно-технического прогресса, затронувшего все отрасли знания. В общественных и естественных науках подобный прогресс следует приписать благотворному влиянию широко распространившихся в этом веке идей позитивизма. Проявление позитивистского начала в изучении преступности как явления социальной действительности выразилось в формировании двух основных подходов к изучению ее причин - *социологического и антропологического.*

Исходным толчком к появлению первого послужило возникновение статистики и, соответственно, статистических методов изучения общественных процессов. Вслед за наступившим затем периодом резкого подъема научного интереса к анализу статистического материала закономерно последовал и его спад, обусловленный крайней ограниченностью только еще формирующейся статистической базы. Поэтому вполне естественной представляется смена вектора в изучении истоков преступного поведения в форме постепенной трансформации метода дедукции (объективно нуждающегося в использовании широких массивов статистической информации) в индуктивный, применение которого подразумевает не только возможность, но, более того, необходимость самостоятельного сбора статистических данных, характеризующих предмет исследования. Подобная методология организации научного поиска в области познания причин преступного поведения отличала представителей антропологической школы.

Говоря о преобладающем взгляде на природу преступности, оформившемся в среде европейских криминалистов к началу XX в., автор делает вывод о том, что

деление криминологов этого периода на «социологов», «антропологов», «эклектиков» и т.д. носит достаточно условный характер. В качестве формальной черты, разделяющей их позиции, следует считать их подходы к разрешению вопроса о соотношении биологического и социального начала в механизме конкретного, единичного преступления. Диапазон высказываемых при этом мнений варьировался от признания ведущей (в первых трудах юристов-антропологов) или значительной (применительно к отдельным группам преступлений - в более поздних их работах) роли биологического начала в генезисе отдельного преступления, до полного отрицания значения последнего и абсолютизации факторов социального порядка (у криминалистов крайне-социалистического толка).

Во взглядах многих западноевропейских исследователей начала XX в. все более четко начинает прослеживаться идея о недопустимости смешения содержания понятий причин преступления и причин преступности. Если причинами совершения преступления могут выступать как индивидуальные факторы, так и социальные (а чаще всего - их сочетание), то применительно к причинам преступности речь должна идти фактически исключительно об их социальной природе. Все это свидетельствовало о сложившемся в Западной Европе на означенном историческом рубеже широком социологическом подходе к выяснению истоков преступности, проявившемся, в первую очередь, в признании примата характера и свойств общественной среды в генезисе преступности и, соответственно, в осознании необходимости выявления и изучения этих свойств с помощью, прежде всего, статистического анализа.

В работах же российских ученых рассматриваемого периода, несмотря на безусловное доминирование в них идеи о социальных истоках преступных деяний, теоретическая черта, разделяющая понятия причины преступления и причины преступности, была прочерчена гораздо менее заметно. В результате многими авторами отстаивалась позиция о наличии и социальных, и индивидуальных (биологических) причин (факторов) преступности, хотя, как

делало оговорку большинство из них, приоритет первых над вторыми был бесспорен.

В *параграфе 1.3.* автор рассматривает основные зарубежные и отечественные концепции причин преступности и индивидуального преступного поведения в XX в., а также затрагивает современное состояние этого вопроса. В работе сделан вывод о том, что вектор эволюции не только криминологического знания, но и всего цикла общественных наук формировался на протяжении всего прошлого века под влиянием доминирующих социологических теорий. В частности, общественная наука США испытала на себе огромное влияние со стороны *социальной психологии* (Ч. Кули, У. Томас, Дж. Г. Мид) и *«понимающей социологии»* (М. Вебер). В конечном счете это привело к тому, что наиболее влиятельные концепции причин преступности, сформировавшиеся в XX в. в США («дифференцированной связи», «социальной дезорганизации», «субкультур», «конфликта культур» и ряд др.), по мнению автора, весьма продуктивно можно применить в процессе анализа причин совершения как конкретных преступлений, так и практически всех разновидностей преступности (профессиональной, подростковой, организованной и др.). Но при этом рассматривая общественные процессы фактически на микро- и мезоуровне и не стремясь к широким общетеоретическим обобщениям, они мало что могут дать для объяснения преступности как общественного явления, тенденции и закономерности проявления которого обусловлены собственными, имманентно присущими ей свойствами.

Напротив, теоретико-методологический фундамент современной российской криминологической науки сформировался еще в советский период под влиянием господствовавшего тогда *марксистского* мировоззрения. В результате теорию не только криминологии, но и всего цикла общественных наук в СССР отличали, с одной стороны, материалистическое понимание исторического процесса, декларирование имманентно противоречивой сущности общественного организма, в котором социальные противоречия и играют роль двигателя социального прогресса, с другой - ярко выраженный глобальный,

макроуровневый подход к изучению и объяснению специфики развития общественных процессов, а не жизнедеятельности конкретных индивидуумов.

Эти исторические обстоятельства, как полагает диссертант, способствовали актуализации в отечественной криминологической науке более, чем где-либо за рубежом, *детерминистского* подхода к познанию причин преступности. Его представители исходили из мысли о том, что в процессе познания закономерностей функционирования социума основное внимание должно быть сосредоточено не на выявлении конкретных факторов, находящихся в корреляционной взаимосвязи с показателями преступности, а на познании тех закономерностей, которым подчинена динамика преступности в трансформирующейся социальной системе. Вместе с тем, необходимо констатировать, что дальше обоснования теоретической значимости данного подхода ни советская, ни современная российская криминологическая наука пока не пошла, несмотря на то, что гносеологическая ограниченность противоположного детерминистскому *каузального* подхода с очевидностью проявилась уже в период, последовавший за распадом СССР. Представляется, что дальнейшая разработка детерминистской концепции - это весьма перспективное направление в познании механизма воспроизводства преступности в обществе. При этом формирование методологической платформы данной концепции и методики ее практической реализации должно осуществляться, в первую очередь, в рамках такого направления в отечественной криминологии как *изучение территориальных различий преступности или географии преступности*. Именно оно, в силу своего предмета исследования (социально-территориальных общностей различного уровня), разработанного инструментария и накопленного в процессе его применения обширного опыта, обладает наибольшим потенциалом для успешного выполнения этих задач.

В *главе II «Территориальный подход в познании причин преступности»* в первую очередь рассмотрено понятие и определено место географии преступности в структуре криминологического знания. Кроме того, проанализированы первоначальные попытки изучения феномена

территориальной дифференциации преступности в работах зарубежных и отечественных исследователей XIX - нач. XX вв. Этим вопросам посвящен **параграф 2.1.** Автор отмечает, что введение в научный оборот термина *«география преступности»* произошло в XIX в. за рубежом, а в отечественной науке он начинает активно использоваться в работах криминологов в качестве синонима территориального распределения преступности или территориальных различий в показателях преступности, начиная с 1970-х гг. Соответственно, география преступности в них понималась как некая статичная картина распределения преступности по отдельным регионам (населенным пунктам) и в масштабах всей страны. При этом, когда поднимался вопрос о причинах подобного распределения, на первый план выходило понятие *причин территориальных различий преступности*, т.е. термин «география преступности» использовался в достаточно узком, «фиксирующем» контексте, отнюдь не претендуя на полноту охвата проблемы изучения причин и условий преступности в территориальном аспекте. Подобная трактовка указанного понятия была характерна и для криминологических работ 1980-х гг.

По мнению соискателя, основное назначение географии преступности - это *выяснение причин преступности посредством изучения специфики формирования комплекса социальных противоречий в территориальном разрезе*, и с этой точки зрения она отнюдь не представляет собой какой-либо обособленный раздел криминологической науки. Проблемами изучения причин преступности занимается отдельный раздел криминологии - теория детерминации. Как самостоятельное направление в рамках данной теории в отечественной науке было принято понимать и изучение территориальных различий преступности. Таким образом, под *географией преступности* логично, по мнению автора, следовало бы понимать *раздел криминологической теории детерминации, изучающий причинный комплекс преступности в территориальном аспекте*. Необходимость подобного обособления в криминологической теории детерминации отдельного направления по исследованию причинного комплекса преступности с использованием различных



модификаций территориального подхода действительно назрела, ввиду наличия ярко выраженной специфики подобного рода исследований. Как отмечает диссертант, вопрос о наименовании этого раздела является дискуссионным, но использование для этой цели термина «география преступности» представляется вполне уместным.

Сопоставление показателей преступности и иных данных социально-экономической статистики по отдельным территориальным образованиям начало применяться в первой трети XIX в. Фактически оно выступило в качестве первого позитивистского метода установления причин, «производящих» преступность. С течением времени было установлено, что наиболее эффективным подобное сравнение будет, если в качестве объекта сравнительного анализа выступают не отдельные страны, а территории, входящие в состав одного государства.

Со временем все большее предпочтение стало отдаваться сопоставлению не абсолютных показателей, характеризующих определенные аспекты рассматриваемых явлений (напр., общего количества совершенных преступлений за год, количества осужденных, объема торгового оборота за определенный период и т.д.), а показателей относительных, т.е. простейших коэффициентов (напр., количества осужденных по отношению к общей численности населения определенного департамента, любых средних величин и т.д.), поскольку такое сопоставление давало возможность выявить интенсивность проявления рассматриваемого явления во времени.

Кроме того, на протяжении всего XIX в. последовательно увеличивалось и число статистических показателей, используемых в процессе сравнительного анализа как состояния преступности, так и социально-экономического положения отдельных территорий. Постепенно начинают использоваться не только данные сначала об объеме, а потом и об уровне преступности, но и сведения о структуре преступности (как в зависимости от видов преступлений, так и от гендерных, имущественных, сословных и иных особенностей лиц, их совершивших). Аналогичным образом расширялся и круг рассматриваемых криминалистами

показателей, в той или иной мере отражающих социальное и, в первую очередь, конечно же, материальное положение населения сравниваемых территорий - начиная от простейших и до более сложных в вычислении. Главным препятствием для расширения диапазона используемых показателей выступала недостаточно развитая в тот период общая система организации статистического учета в странах Западной Европы.

Недостатки организации в Российской империи вплоть до конца XIX в. не только уголовной, но и социально-экономической статистики в целом, создавали серьезные препятствия для организации подобного рода исследований. Тем не менее, российские криминалисты активно интересовались проблемой формирования территориальных различий преступности и выявления ее причин, широко применяя при этом зарубежные источники статистической информации. В более поздний период и вплоть до 1917 г. постепенно начинает входить в научный оборот и статистическая информация, собранная российскими государственными органами (и в первую очередь, судами). Выводы, сделанные российскими криминалистами при рассмотрении вопроса о территориальных различиях преступности, бесспорно, были в пользу доминировавшей в тот момент в отечественной криминологической «теории факторов» концепции об определяющем влиянии на процессы преступности социально-экономических условий жизни населения. При этом оценка степени такого влияния, а также сам набор и «вес» конкретных факторов существенно варьировались от работы к работе.

В *параграфе 2.2.* проанализирован процесс изучения закономерностей формирования территориальных различий преступности в Советском Союзе. По мнению диссертанта, в советской криминологии после ее возрождения в начале 1960-х гг. изучение закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности постепенно оформилось в одно из ведущих направлений не только в исследовании причинного комплекса преступности, но и криминологии в целом. Его сущность в отечественных криминологических исследованиях, базировавшихся на теоретической платформе каузального

(причинного) подхода к поиску причин преступности, в общих чертах, можно свести к следующему. Данный подход применяется в целях изучения факторов (причин) преступности и выражается в: а) анализе и сравнении показателей преступной активности населения определенных территориальных систем различного уровня (города, села, района, региона, отдельной страны); б) выявлении определенных (экономических, социальных, демографических, культурных и т.д.) факторов, специфическим образом проявляющихся в рамках данных территориальных систем, и в) установлении их взаимосвязи с показателями преступности в рамках этих территорий. При констатации наличия определенной зависимости между изменениями показателей преступной активности населения в рамках определенной территории и наблюдаемыми отклонениями отдельных показателей, характеризующих различные стороны жизни этого населения (при оптимальном варианте - выявление значительной степени корреляции между динамикой этих явлений), делается вывод о том, что именно данные отклонения являются причинами повышения активности людей в противоправной сфере.

В ходе подобной схемы реализации территориального подхода было установлено, что все происходящие с преступностью изменения обусловлены характером трансформации общественных процессов в целом. Многолетние и достаточно разнообразные эмпирические исследования взаимосвязи показателей преступности с другими статистическими сведениями, характеризующими иные стороны общественной жизни (экономические, урбанизационные, миграционные и другие процессы), осуществленные в привязке к населенным пунктам или административно-территориальным единицам другого уровня, подтвердили гипотезу о социальном свойстве и структуре причин массовой активности людей в противоправной сфере. В качестве же общей причины, детерминирующей преступное поведение людей, выступал, как полагало большинство советских теоретиков, комплекс социальных противоречий.

В условиях существовавшей в СССР административно-командной системы и плановой экономики эти выводы науки, как отмечает соискатель, имели очень

серьезное значение для практики в целом. Благодаря им в условиях господствовавшего в тот период планового способа хозяйствования отечественная криминология получила возможность осуществления полноценного и весьма достоверного прогнозирования криминологически значимых последствий реализации советским партийно-хозяйственным аппаратом определенной социально-экономической политики в региональном разрезе.

Что же касается территориального анализа различий преступности, базирующегося на положениях детерминистского подхода к поиску причин преступности, то, как отмечается диссертантом, уже в советский период был выявлен целый ряд затруднений теоретического свойства, без разрешения которых осуществление исследований, основывающихся на подобной концептуальной платформе, стало задачей не только затруднительной, но и фактически невозможной. В частности, советскими криминологами акцентировалось внимание на том, что процесс познания закономерностей функционирования сложных социальных систем, к которым относятся социально-территориальные системы регионального и поселенческого уровней, целесообразно осуществлять на динамической основе, поскольку «изменения, происходящие в них..., вызваны отнюдь не только что оказанным на них существенным воздействием, а опосредованы целой цепочкой воздействий и ответных реакций системы на протяжении прошлого периода времени»<sup>1</sup>. Следовательно, необходимо знать, какие факторы определяют динамическое поведение сложных систем, а отсюда, перед криминологией ставилась задача по разработке методов, «позволяющих количественно анализировать динамическое поведение сложных систем, взаимодействие которых и образует причинный социально-экономический комплекс преступности»<sup>2</sup>. Подобные сложности, как заключает диссертант, способствовали формированию весьма ограниченного круга исследований в области изучения закономерностей территориальных

---

<sup>1</sup> Спиридонов Л., Лепс А. Теоретические вопросы изучения территориальных различий преступности // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. - Тарту, 1985. Вып. 725. С.16.

<sup>2</sup> Там же. С.18.

различий показателей преступности, основывающихся на теоретическом фундаменте детерминистской концепции поиска ее причин.

Далее автором отмечается, что зафиксированные статистикой тенденции формирования территориальных различий показателей преступности в России после падения коммунистического режима не только не соответствуют представлениям советских криминологов (сформировавшимся в ходе исследований, базировавшимся на идейной платформе каузального подхода к поиску причин преступности) о закономерностях формирования данных различий, но и, более того, во-многом им противоречат.

В *параграфе 2.3.* диссертант приходит к выводу о том, что все эти препятствия теоретико-методологического свойства, существенно осложняющие в настоящий момент адекватное объяснение закономерностей формирования территориальных различий показателей преступности в современной России, и, соответственно, затрудняющие процесс познания механизма детерминации преступности в целом, не получили отражения и, соответственно, разрешения в современных трудах не только отечественных и зарубежных криминологов, но также географов и экономистов. По мнению автора, все выявленные в работе противоречия в результатах анализа территориальных различий показателей преступности представляются неразрешимыми до тех пор, пока подобного рода исследования будут базироваться на теоретико-методологической платформе каузального подхода к поиску причин преступности. Он солидаризируется с советскими криминологами, отмечавшими, что наиболее плодотворным территориальный подход к познанию ее причин может быть в том случае, когда он будет представлять собой «криминологический анализ функционирования территориально-пространственных систем, выявление в них дестабилизирующих факторов, источников дезорганизации и социального напряжения». При этом основное внимание должно быть сосредоточено не на «отдельных фрагментах социальной действительности, не на изучении вырванных из целостного общественного организма процессов и явлений в их взаимодействии с преступностью, а как раз на том качественно новом, что обнаруживается в

результате всеобщего взаимодействия и взаимовлияния всех основных компонентов и сфер рассматриваемой социальной системы»<sup>1</sup>. Таким образом, подытоживает соискатель, именно решение задачи по выявлению закономерностей функционирования территориальных социально-экономических систем в современных условиях (несмотря на то, что эта задача выходит за рамки традиционного предмета исследования криминологической науки), т.е. продвижение по пути, очерченному детерминистской концепцией поиска причин преступности, в значительной степени определяет дальнейший прогресс в области познания механизма детерминации преступности.

В главе III диссертации *«Пространственный анализ в криминологии: теоретические предпосылки, методологические основы и методика реализации»* автором анализируется возможность решения подобной задачи в современных условиях развития отечественного социума. В параграфе 3.1. диссертантом отмечается, что в советский период решение задачи по познанию закономерностей функционирования территориальных социально-экономических образований регионального (поселенческого) уровня было существенно затруднено, во-первых, потому что в условиях плановой парадигмы развития общества системный характер функционирования ни регионам, ни городам объективно не был присущ, а во-вторых, в силу явного недостатка внимания по отношению к социальной сфере со стороны советской общественной науки в целом. В современных условиях, напротив, полагает он, сформировался целый ряд предпосылок для того, чтобы познать социально-органическую сущность города, а в еще большей степени - региона (федерализация регионального устройства России, развитие системы местного самоуправления и др.), т.е. научным путем зафиксировать их способность к саморазвитию и во временном, и в пространственном аспекте в качестве самостоятельных социальных систем.

Кроме того, как отмечается в работе, в контексте решения указанной задачи весьма существенным является тот прогресс, который был достигнут западными

---

<sup>1</sup> Раска Э.Э. Преступность как показатель состояния социального пространства (К вопросу об обосновании территориального подхода к изучению преступности) // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. - Тарту, 1987. Вып. 761. С.28-29.

учеными в области выявления закономерностей развития социально-экономических процессов в пространстве. Данные закономерности были признаны отечественными регионаледами не противоречащими российской действительности и, в результате, было установлено, что основными факторами, определяющими вектор и динамику развития социально-экономических процессов в рамках пространства российских региональных систем на современном историческом этапе (и, соответственно, формирующими потенциал такого развития) выступают:

- 1) экономико-географическое положение региональной социально-экономической системы;
- 2) характер и структура развития поселенческой сети и, в первую очередь, городов;
- 3) численность и плотность населения;
- 4) уровень развитости инфраструктуры (прежде всего, транспортных артерий);
- 5) степень привлекательности территории с точки зрения жителей других регионов страны и иностранцев;
- 6) состояние экономической базы региона;
- 7) специфика сложившейся институциональной среды.

Далее соискателем сделан вывод о том, что указанные факторы специфическим путем повлияли на развитие социально-экономических процессов в пространстве Российской Федерации на протяжении последних 20-30-ти лет. В частности, в большинстве субъектов федерации (за исключением только регионов Юга России и Московской области) в этот период постепенно стал проявляться целый ряд негативных тенденций социально-экономической жизни, выразившихся в: а) депопуляции населения отдаленных от городов и автомагистралей территорий; б) уменьшении интенсивности хозяйственного использования таких территорий; в) снижении качества человеческого капитала на обезлюдяющих территориях; г) ухудшении качества их инфраструктуры и т.д. В целом этот процесс получил наименование «сжатие социального пространства» и он должен рассматриваться, по мнению автора, в качестве еще

одного фактора, определяющего специфику развития социально-экономических процессов в региональном пространстве России.

Таким образом, в контексте проверки гипотезы об обусловленности преступности в конкретной социально-территориальной общности особенностями ее развития в качестве сложной социально-экономической системы особый исследовательский интерес, по мнению диссертанта, представляет практическое рассмотрение роли и значения данных факторов развития социально-экономических процессов в пространстве применительно к конкретным социально-территориальным общностям регионального (поселенческого) уровня. Подобный, т.е. уже *пространственный* ракурс рассмотрения всей совокупности социально-экономических явлений и процессов, происходящих в отдельной социально-территориальной общности, в сопоставлении с показателями преступности станет полноценным воплощением детерминистского подхода к познанию причинного комплекса преступности в современных условиях.

В *параграфе 3.2.* представлена методология пространственного анализа причинного комплекса преступности, а также разработана методика реализации подобного рода исследований. В целом, по мнению автора, *пространственный подход* к познанию сущности социально-территориальной общности любого уровня предполагает рассмотрение ее в качестве некоего *социального организма*, или социальной системы, развитие которой подчиняется определенным, объективно существующим закономерностям. Поэтому, как полагает он, процесс познания сущности и закономерностей функционирования в пространственном аспекте социально-территориальных общностей на территории России возможно осуществлять на основе использования выявленных к настоящему времени общих закономерностей пространственного развития социально-экономических процессов с поправкой на отечественную специфику их проявления. Выявление же и последующее использование закономерностей функционирования таких общностей в целях познания механизма детерминации преступности (пространственный анализ причинного комплекса преступности) будет



представлять собой одно из направлений исследования причинного комплекса преступности посредством изучения закономерностей формирования территориальных различий ее показателей. Соответственно, *пространственный анализ*, по мнению диссертанта, является *самостоятельным направлением научных исследований, осуществляемых в рамках географии преступности*.

Общеметодологическая схема пространственного анализа причинного комплекса преступности, с точки зрения автора, должна включать в себя три основных этапа: 1) пространственный анализ процесса и итогов функционирования социально-территориальных общностей, расположенных в границах, очерченных административно-территориальным делением государства (например, границами субъектов Российской Федерации), относящихся к одной типологической подгруппе с точки зрения потенциала их социально-экономического развития; 2) анализ тенденций преступности в данных социально-территориальных общностях; 3) сопоставление результатов, полученных в ходе пространственного анализа процесса функционирования социально-территориальных общностей и анализа тенденций преступности в них; описание выявленных закономерностей функционирования механизма детерминации преступности в рассматриваемых социально-территориальных общностях.

Методология пространственного анализа процесса функционирования территориальных общественно-экономических систем является достаточно новым «полем» исследований в современных российских науках общественного цикла и фактически не разработана, поэтому в работе на нее обращается особое внимание. С учетом описанной ранее специфики применения пространственного анализа в криминологии, данный этап исследования (применительно к социально-территориальным системам регионального уровня) должен осуществляться, по мнению соискателя, посредством следующих шагов:

I. Построение логической модели устройства региона как системы взаимодействующих между собой элементов (подсистем).

II. Определение факторов, с одной стороны, формирующих отдельные элементы (подсистемы) региональной системы, с другой - определяющих специфику взаимодействия этих подсистем и, следовательно, особенности функционирования всей системы по отношению к другим социально-экономическим системам регионального уровня; описание общей роли и значения каждого фактора (с точки зрения уже выявленных закономерностей развития социально-экономических процессов в пространстве) в формировании вектора социально-экономического развития отдельного региона.

III. Разработка процедуры анализа и выработка критериев оценки факторов социально-экономического развития, формирующих в совокупности потенциал такого развития региона.

IV. Разработка критериев оценки степени успешности функционирования региональной социально-экономической системы.

V. Создание или использование уже разработанной в науке типологии региональных социально-экономических систем, выбор группы регионов для анализа.

VI. Сравнение «стартовых условий», динамики и итогов социально-экономического развития регионов выбранной типологической группы.

По предположению диссертанта, степень успешности процесса функционирования социально-территориальных общностей, оцениваемая на основе анализа данных об уровне и динамике экономического развития территории, темпах воспроизводства её демографической базы, качестве здоровья проживающего на ней населения, а также качестве её населения в целом (уровень образования и т.д.), зависит, с одной стороны, от вектора и интенсивности «центр-периферийных» процессов, а с другой стороны, от степени выраженности процесса сжатия социального пространства. Наиболее благоприятная в социально-экономическом плане обстановка, складывающаяся за счет сравнительно более высокого роста вышеуказанных показателей, должна сформироваться, по предположению соискателя, в тех территориальных системах регионального или поселенческого уровней, в которых тенденции сжатия

социально-освоенного пространства проявляются в наименьшей степени, тогда как позитивные урбанизационные и миграционные процессы, напротив, наиболее активны.

Эти же территориальные системы, по прогнозу автора, должны отличаться и наиболее благоприятной криминогенной обстановкой: динамичный и поступательный вектор их социально-экономического развития должен благотворно сказаться на общем социальном самочувствии населения данных территориальных систем. Напротив, повышение градуса социального неблагополучия, увеличение масштабов и углубление степени социальных противоречий в рамках региональной общественно-экономической системы с неизбежностью увеличивает вероятность возникновения частных проблемных (конфликтных) ситуаций, которые в каждом отдельном случае могут разрешиться и путем совершения преступления. Отсюда ухудшение показателей преступности должно рассматриваться в качестве сигнала о наличии определенных отклонений от «нормального» варианта процесса функционирования определенной территориальной социально-экономической системы. Следуя подобной логике именно эти отклонения или дисфункции должны рассматриваться в качестве причины ухудшения показателей преступности в рамках данной территориальной системы.

Проверка данной гипотезы возможна, подчеркивает автор, только в результате сравнения социально-территориальных образований, потенциал социально-экономического развития которых (измеряемый на основе оценки степени выраженности факторов такого развития) находится на примерно *сопоставимом* уровне. Именно этот критерий должен быть взят за основу при осуществлении процедуры отбора территориальных социально-экономических систем регионального уровня для осуществления анализа их социально-экономического развития в пространственной проекции и сравнения итогов такого развития за определённый период. Описываемая далее в параграфе методика реализации пространственного анализа причинного комплекса преступности исходит именно из данного критерия: для анализа были отобраны 12 регионов Центрального

федерального округа России - Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская и Тверская области. Все они, как отмечается соискателем, относительно схожи по базовым социально-экономическим условиям своей жизнедеятельности, расположены примерно в одинаковых природно-климатических условиях, обладают сопоставимой производственной и инфраструктурной базой, схожей системой расселения и возрастной структурой жителей, а кроме того, в той или иной степени испытывают на себе позитивно-негативное влияние со стороны Московского региона.

В *главе IV диссертации «Пространственный анализ причинного комплекса преступности в регионах Центрального федерального округа России»* описан ход и подведены итоги апробации разработанной методики пространственного анализа причинного комплекса преступности. В *параграфе 4.1.* осуществлен пространственный анализ социально-экономического развития регионов Центрального федерального округа в 2003-2013 гг. Его итоги позволили диссертанту сделать заключение о том, что современное развитие социально-экономических процессов в пространстве, в целом, подчиняется закономерностям, описанным представителями зарубежной пространственной науки. О наличии положительных тенденций в социально-экономическом развитии региональной системы свидетельствуют, с одной стороны, следующие признаки: а) рост численности и плотности населения крупных городов и окружающих их территорий; б) сохранение контура поселенческой сети; в) сохранение активного баланса миграционного обмена; г) повышение качества инфраструктурной обеспеченности региона (транспортных сетей и т.д.); д) диверсификация экономики, в первую очередь, за счет увеличения доли сферы услуг. С другой стороны, о позитивном векторе социально-экономического развития региона, по мнению автора, говорит и отсутствие, или незначительная степень проявления процесса сжатия социального пространства.

В *параграфе 4.2.* была проанализирована динамика уровня преступности в тех же регионах Центрального федерального округа как отражение происходивших в

них в 2003-2013 гг. социально-экономических процессов. Результаты исследования позволили автору выделить следующие закономерности:

- среди рассматриваемых регионов в период с 2003 по 2013 гг. наибольшей величиной и (или) позитивной динамикой показателей, характеризующих результаты жизнедеятельности населения данных территорий в социально-экономическом аспекте, а также показателей, характеризующих качество самого населения, отличались те регионы, характер и вектор социально-экономического развития которых в наибольшей степени соответствовал позитивной модели развития социально-экономических процессов в пространстве на уровне территориальных систем регионального уровня (Белгородская, Воронежская, Рязанская и Тамбовская области). В результате изучения тенденций преступности было установлено, что эта же группа регионов в указанный период времени отличалась и наиболее благоприятной обстановкой в криминогенном плане; тогда как в регионах, в которых реализовался скорее негативный сценарий развития социально-экономических процессов, сложилась и самая неблагоприятная обстановка в плане преступности (Смоленская, Тверская и Орловская области). Недостаточная же определенность общего вектора развития подобных процессов в Брянской, Калужской, Костромской, Курской и Липецкой областях обусловила неоднозначность трактовки сложившейся в них криминогенной ситуации;

- степень социального благополучия населения региона во многом обусловлена уровнем и динамикой развития его экономической базы, вместе с тем, ухудшение положения поселенческой структуры региона, наличие ярко выраженных тенденций к обезлюдению отдельных его территорий является главным деструктивным фактором развития региона в целом. Эта тенденция с очевидностью проявилась при анализе преступности в регионах, сеть поселений которых в рассматриваемый период подверглась наибольшей деформации, в частности, в Тверской области: там был отмечен наиболее высокий средний уровень преступности;

- не способствуют кардинальному улучшению обстановки в сфере преступности и высокие темпы роста экономики региона, не подкрепленные сдвигами в области обеспечения качества жизни населения (Калужская область); при этом обеспечение пропорциональности развития экономической и социальной сфер региона способно предотвратить резкий всплеск преступной активности его населения (Брянская, Костромская и Курская области);
- в тех случаях, когда этого сделать не удастся, когда стагнирующая экономика не способна поддержать «на плаву» социальную сферу региона серьезно ухудшаются и показатели преступности (Орловская и Смоленская области), хотя и не до такого уровня, как в регионах с ярко выраженными тенденциями сжатия социального пространства.

Главная закономерность, проявившаяся в результате сопоставления первоначальных «шансов» региона на успех в плане развития его социально-экономической базы (с точки зрения выявленных закономерностей пространственного развития социально-экономических процессов), реально достигнутых на этом пути результатов и зафиксированных статистикой показателей преступности, выражается в следующем. Социальное самочувствие населения региона, одним из основных показателей состояния которого является уровень преступности, зависит, во-первых, от потенциала, которым обладает каждая региональная социально-экономическая система с точки зрения теории пространственной науки, а во-вторых - от степени реализации этого потенциала, определяемой реально достигнутыми результатами экономического, демографического, социального и иных аспектов развития региональных систем. Чем выше подобный потенциал, чем шире диапазон возможностей для успешного социально-экономического развития региона, тем более высоких результатов в данном отношении он должен добиться. Неполноценная реализация заложенного потенциала ведет к ухудшению степени социального самочувствия населения региона и, с неизбежностью, к нарастанию негативных тенденций в сфере преступности.

Соответственно, по мнению диссертанта, *основной причиной, обуславливающей ухудшение состояния социального самочувствия населения и, соответственно, последующий рост уровня преступности в рамках той или иной региональной социально-экономической системы, является возникновение дисфункций в характере ее функционирования. Главной из них выступает наличие дисбаланса между тем потенциалом социально-экономического развития, которым обладает эта социальная общность на определенном этапе исторического развития человеческой цивилизации в целом, и направленностью (вектором) и динамикой такого развития в реальности.*

В качестве *условий, способствующих возникновению подобного рода дисфункций в жизнедеятельности социально-территориальной общности, на сегодняшнем историческом этапе развития отечественного социума, как полагает соискатель, выступают недостатки в устройстве механизма государственно-общественного управления социально-экономическими процессами. Сложившаяся в настоящее время на уровне регионов России система политических институтов создает, по его мнению, значительные препятствия на пути полноценной реализации как природно-ресурсного, так и человеческого потенциала этих территорий.*

В *параграфе 4.3.* на основе этих выводов автором разработаны прогнозные сценарии долгосрочного развития социально-экономической ситуации и тенденций преступности в регионах Центрального федерального округа. Кроме того, применительно к каждому из числа проанализированных регионов ЦФО предложен комплекс мероприятий, направленных на повышение степени эффективности реализации имеющегося у них потенциала социально-экономического развития. Однако, как подчеркивается соискателем, вероятность того, что в условиях сложившейся на сегодняшний день системы управления процессами такого развития эти меры будут полноценно реализованы, является невысокой.

В *главе V диссертации «Роль, значение и перспективы использования результатов анализа причин преступности в профилактической*

*деятельности»* на основе полученных ранее результатов сформулированы теоретические выводы о содержании и специфике проявления причинного комплекса преступности в Российской Федерации в современных условиях, обозначены роль и место пространственного анализа в качестве элемента системы профилактики преступности, а также предложен нормативный механизм ее реализации. В *параграфе 5.1.* диссертантом отмечается, что, начиная с 2011 г. и по настоящее время в субъектах Российской Федерации постепенно набирает силу тенденция к увеличению показателей зарегистрированной преступности. Их рост отмечается и в тех регионах Центрального федерального округа РФ, в которых в 2003-2013 гг. реализовался благоприятный сценарий развития социально-экономической ситуации. Это, по мнению автора, означает, что общероссийские общественно-политические и социально-экономические условия настолько неблагоприятны, что могут оказать негативное воздействие даже на позитивный вектор социально-экономического развития региональных социально-территориальных систем.

Важнейшим из этих условий, во многом определяющим характер всех остальных, является, как считает автор, *гипертрофированная и малоэффективная система государственно-политических институтов, функционирующая, к тому же, в условиях явного дисбаланса, т.е. доминирования по отношению к общественно-политическим институтам российского общества.* Последние, как подчеркивается в работе, не могут полноценно выполнять роль противовеса государственным структурам, что, в итоге, отрицательно влияет на состояние и динамику развития экономических институтов российского общества в последнее десятилетие.

В условиях неэффективной структуры политических и экономических институтов страны в целом фактически невозможно нормальное институциональное взаимодействие и на уровне региональных сообществ, в результате чего генерируемые ими импульсы социально-экономического развития становятся все менее ощутимыми. Соответственно, и политическая, и



экономическая активность людей ощутимо и неуклонно снижается как на уровне регионов, так и России в целом.

Преодоление этих противоречий, возвращение к модели поступательного социально-экономического развития, по мнению соискателя, возможно лишь при условии коренного реформирования политической структуры российского общества на принципах, зафиксированных в Конституции РФ. Только всеобщая демократизация и либерализация отечественной политической сферы, как подчеркивается в работе, может создать условия, при которых главная причина ухудшения криминогенной ситуации в регионах России - неполноценная реализация заложенного в них потенциала социально-экономического развития - постепенно будет снижать масштабы своего влияния.

*В параграфе 5.2.* делается вывод о том, что в отсутствие трансформационных процессов в политической сфере российского общества значимое воздействие на региональные социально-экономические процессы в целях минимизации масштабов влияния указанной причины также теоретически допустимо. При этом осуществляться оно в таких условиях может исключительно на планово-директивной основе, с использованием в необходимых случаях института юридической ответственности субъектов профилактической деятельности. Далее в работе предлагается нормативный механизм реализации подобной схемы использования результатов пространственного анализа причин преступности в профилактической деятельности и вариант его закрепления в Федеральном законе от 23.06.2016 №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Однако, как подчеркивается диссертантом, даже предварительная прогнозная оценка эффективности подобного механизма профилактического воздействия на причинный комплекс преступности является достаточно низкой ввиду изначальной дефектности и уязвимости самой модели централизованного управления общественными процессами на современном этапе развития человеческой цивилизации.

В *заключении* диссертации сформулированы основные выводы и предложения, сделанные в ходе исследования, а также обозначены дальнейшие перспективы исследований в данной сфере.

В *приложении* представлена (в табличной форме) общая характеристика условий и результатов социально-экономического развития регионов Центрального федерального округа в 2003-2013 гг.

Основные научные результаты диссертации отражены в следующих *опубликованных работах* автора:

***I. Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях  
(из Перечня, рекомендованного ВАК при Минобрнауки РФ):***

1. *Бахарев, Д.В.* Место и роль пространственного анализа развития социально-экономических процессов в обеспечении эффективного социального контроля над преступностью / Д.В. Бахарев // Национальная безопасность / nota bene. - 2016. - №4. - С. 543-552 (0,71 п.л.).
2. *Бахарев, Д.В.* Пространственное мышление в криминологии. Часть II. Методология пространственного анализа социально-экономического развития регионов России / Д.В. Бахарев // Право и политика. - 2016. - №4. - С. 434-440 (0,59 п.л.).
3. *Бахарев, Д.В.* Пространственное мышление в криминологии. Часть I. Теоретические предпосылки и методологические основы применения методов пространственного анализа в познании механизма детерминации преступности / Д.В. Бахарев // Право и политика. - 2016. - №3. - С. 306-312 (0,68 п.л.).
4. *Бахарев, Д.В.* Пространственный анализ причин преступности. Часть 3. Прогноз изменения криминогенной ситуации в регионах Центрального федерального округа (2015-2025 гг.) / Д.В. Бахарев // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2016. - №1. - С. 50-63 (1,13 п.л.).
5. *Бахарев, Д.В.* «Время Левинафана», или почему регионы России вновь ожидает рост уровня преступности? / Д.В. Бахарев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2015. - №6. - С. 138-148 (0,94 п.л.).

6. *Бахарев, Д.В.* Пространственный анализ причин преступности. Часть 2. Опыт реализации на примере регионов Центрального федерального округа (2003-2013 гг.) / Д.В. Бахарев // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2015. - №4. - С. 90-109 (1,27 п.л.).
7. *Бахарев, Д.В.* Причины и закономерности преступности в регионах Центрального федерального округа России: теоретические основания, методика и результаты пространственного анализа / Д.В. Бахарев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2015. - Т.9. - №3. - С. 608-623 (1,32 п.л.).
8. *Бахарев, Д.В.* Закономерности формирования территориальных различий преступности в трудах Е. Н. Тарновского (к 155-летию со дня рождения крупнейшего представителя отечественной уголовной статистики) / Д.В. Бахарев // Политика и общество. - 2014. - №11. - С. 1353-1365 (0,9 п.л.).
9. *Бахарев, Д.В.* Вопросы теории и методологии изучения причин территориальных различий преступности в работах советских криминологов / Д.В. Бахарев // Право и политика. - 2014. - №10. - С. 1590-1595 (0,47 п.л.).
10. *Бахарев, Д.В.* Типология российских регионов и их роль в изучении причин территориальных различий преступности / Д.В. Бахарев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2013. - №4. - С. 199-206 (0,67 п.л.).
11. *Бахарев, Д.В.* Возможности территориального подхода в рамках проведения криминологической экспертизы Евразийской транспортной системы / Д.В. Бахарев // Российский юридический журнал. - 2013. - №2. - С. 141-145 (0,46 п.л.).
12. *Бахарев, Д.В.* Причины преступности как политико-философская категория в работах деятелей французского Просвещения / Д.В. Бахарев // История государства и права. - 2012. - №18. - С. 6-8 (0,4 п.л.).
13. *Бахарев, Д.В.* Изучение причин территориальных различий преступности в эпоху становления отечественной криминологической мысли (историко-библиографический очерк) / Д.В. Бахарев // Современное право. - 2012. - №10. - С. 160-164 (0,5 п.л.).

14. *Бахарев, Д.В., Степаненкова, З.В.* Вопрос о причинах преступности в работах русских писателей и публицистов 2-й половины XIX века / Д.В. Бахарев, З.В. Степаненкова // История государства и права. - 2012. - №4. - С. 25-28 (0,39 / 0,24 п.л.).
15. *Бахарев, Д.В.* К вопросу о предмете и содержании географии преступности как одного из направлений исследования причинного комплекса преступности / Д.В. Бахарев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2012. - №1. - С. 32-38 (0,55 п.л.).
16. *Бахарев, Д.В.* Взгляды русских мыслителей XVIII века на проблему преступности (от И.Т. Посошкова до А.Н. Радищева) / Д.В. Бахарев // Политика и общество. - 2011. - №11. - С. 136-142 (0,6 п.л.).
17. *Бахарев, Д.В.* Имя человека как причина преступления, или к вопросу о профанации криминологии и ономастики / Д.В. Бахарев // Евразийский юридический журнал. - 2011. - №9. - С. 111-113 (0,35 п.л.).
18. *Бахарев, Д.В.* Использование интегральных показателей в исследовании социально-экономических факторов территориальной дифференциации уровня преступности: история и современные перспективы / Д.В. Бахарев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2011. - №1. - С. 33-41 (0,82 п.л.).
19. *Бахарев, Д.В.* Варлам Шаламов о причинах профессиональной преступности. К 100-летию со дня рождения В.Т. Шаламова / Д.В. Бахарев // Российский криминологический взгляд. - 2007. - №4. - С. 41-43 (0,26 п.л.).

## ***II. Монографии:***

20. *Бахарев, Д.В.* Пространственный анализ причинного комплекса преступности: монография / под ред. засл. деят. науки РФ, докт. юрид. наук, проф. И.Я. Козаченко. - СПб. : Издательство "Юридический центр", 2016. - 464 с. (23 п.л.).
21. *Bakharev, D.V.* Chapter 1. «Spatial Analysis of Causes of Criminality: Theoretical Background, Methodology, Implementation Experience» // *Advances in Criminology*

Research / D. Bakharev, T. Alalehto, C. Barnum, M. Lovaglia, J. Miller, H. Hirtenlehner, B. Blackwell / Editor Julia Guzman. - New York : Nova Science Publishers, 2015. - 125 p. P. 1-40. (6,5 / 2,17 п.л.).

### ***III. Статьи, опубликованные в иных изданиях:***

22. *Бахарев, Д.В.* Пространственный анализ причин преступности. Часть 1. Теоретические основания и методика реализации / Д.В. Бахарев // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2015. - №3. - С. 96-108 (1 п.л.).

23. *Bakharev, D.V.* Spatial Analysis of Causes of Criminality: Theoretical Background, Methodology, Implementation Experience / D.V. Bakharev // Journal of Current Issues in Crime, Law and Law Enforcement. - 2015. - Vol.8. - №3. - P. 1-30 (2,17 п.л.).

24. *Бахарев, Д.В.* Генезис преступности как центральная проблема криминологического дискурса (в контексте взглядов А.Э. Жалинского) / Д.В. Бахарев // Уголовное право и современность: сборник научных статей. Вып. 5 / отв. ред. Г.А. Есаков. - М. : Проспект, 2014. - С. 47-52 (0,26 п.л.).

25. *Бахарев, Д.В.* Механизм профилактики общих причин преступности и его отражение в законопроекте «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / Д.В. Бахарев // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2014. - №4. - С. 23-30 (0,58 п.л.).

26. *Бахарев, Д.В.* Концепция социальных факторов преступности: достижения советской криминологии и реалии сегодняшнего дня / Д.В. Бахарев // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. - М. : Юрлитинформ, 2014. - С. 244-448 (0,26 п.л.).

27. *Бахарев, Д.В.* Сергей Васильевич Максимов (1831-1901) - выдающийся дореволюционный исследователь феномена преступности / Д.В. Бахарев // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 8 февраля 2014 г.) / под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина; Евразийский

научно-исследовательский институт проблем права. - Уфа, 2014. - С. 157-162 (0,3 п.л.).

28. *Bakharev, D.V.* New Economic Geography and the Conception of Social Factors of Criminality: Areas of Common Interest and Prospects for Synthesis / D.V. Bakharev // *International Journal of Criminology and Sociology*. - 2014. - №3. - P. 93-99 (0,61 п.л.).

29. *Бахарев, Д.В.* Трансформация социального пространства и уровень преступности в российских регионах / Д.В. Бахарев // Проблемы современного российского законодательства: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 24 окт. 2013 г.) - Иркутск; М. : РПА Минюста России, 2013. - С. 260-265 (0,26 п.л.).

30. *Бахарев, Д.В.* Состояние и динамика основных демографических процессов в современной России в контексте изучения причин преступности / Д.В. Бахарев // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. материалов Междунар. науч.- практ. конф., 29 марта 2013 года. - Краснодар : КубГАУ, 2013. - С. 30-36 (0,26 п.л.).

31. *Бахарев, Д.В.* География преступности как раздел криминологической теории детерминации: проблемы предмета исследования и методологии / Д.В. Бахарев // Уголовно-правовые и криминологические средства обеспечения безопасности Евразийской транспортной системы: материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 17 февраля 2012 года). - Екатеринбург : УрГЮА, 2013. - С. 110-117 (0,36 п.л.).

32. Влияние нестабильности мировых рынков на создание криминогенной ситуации в Европейско-Азиатском регионе / Д.В. Бахарев, И.Я. Козаченко, О.Н. Родионова, Ю.В. Радостева и др. // Право Всемирной торговой организации: влияние на экономику и законодательство государств Европейско-Азиатского региона: Доклады исполнительного комитета к Седьмой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса. - Екатеринбург : Издательский дом «УрГЮА», 2013. - С. 71-79 (1,34 / 0,1 п.л.).

33. *Бахарев, Д.В.* Характер современных демографических процессов в России и их учет при изучении причин преступности / Д.В. Бахарев // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. - М. : Юрлитинформ, 2013. - С. 400-404 (0,25 п.л.).
34. *Бахарев, Д.В.* Изучение причин территориальных различий преступности: традиция и перспективы // Правовые проблемы противодействия преступлениям: материалы Международной научно-практической конференции. 26 апреля 2013 года / Д.В. Бахарев / под общ. ред. Г.В. Патраковой. - Сургут : Изд.-полиграф. комплекс, 2013. - С. 59-62 (0,32 п.л.).
35. *Бахарев, Д.В.* Классификация подходов к изучению причин территориальных различий преступности в работах криминологов прибалтийских республик Советского Союза / Д.В. Бахарев // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 8 февраля 2013 г.) / под общ. ред. А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина; Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. - Уфа, 2013. - С. 194-197 (0,2 п.л.).
36. *Бахарев, Д.В.* Географические факторы преступности: попытки современного осмысления проблемы / Д.В. Бахарев // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (2-3 ноября 2012 г.) Выпуск 9. - Тюмень : «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права» («ТГАМЭУП»), 2012. - С. 72-76 (0,49 п.л.).
37. *Бахарев, Д.В.* Криминологическая экспертиза евразийской транспортной системы в пространственной проекции / Д.В. Бахарев // Проблемы современного российского законодательства: материалы I Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск,

18 окт. 2012 г.): в 2 ч. - Иркутск; М. : РПА Минюста России, 2012. - Ч.1. - С. 235-238 (0,25 п.л.).

38. *Бахарев, Д.В.* Влияние урбанизации на показатели преступности: точка зрения советских криминологов (1970-1980-е годы) / Д.В. Бахарев // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 1-й Международной научно-практической конференции, 2 ноября 2012 года / отв. ред. А.В. Малько; Ряз. Гос. ун-т им. С.А. Есенина. - Рязань, 2012. - С. 370-373 (0,2 п.л.).

39. *Бахарев, Д.В.* Характер современных миграционных потоков в призме криминологического исследования / Д.В. Бахарев // Политика и право в социально-экономической системе общества: материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Москва, 9-10 октября 2012 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». - М. : Изд-во «Спецкнига», 2012. - С. 107-114 (0,35 п.л.).

40. *Бахарев, Д.В.* Французские энциклопедисты XVIII в. об истоках преступного поведения / Д.В. Бахарев // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции: материалы V международной заочной научно-практической конференции (01 октября 2012г.) - М. : Изд. «Международный центр науки и образования», 2012. - С. 88-94 (0,39 п.л.).

41. Криминологическая экспертиза Евразийской транспортной системы / Д.В. Бахарев, И.Я. Козаченко, О.Н. Родионова, Ю.В. Радостева и др. // Правовые формы интеграционных процессов в современном мире. Доклады исполнительного комитета к Шестой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса. - Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. - С. 65-73 (1,27 / 0,04 п.л.).

42. *Бахарев, Д.В.* Предметная область «географии преступности» в работах криминологов, географов и экономистов / Д.В. Бахарев // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминологии и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, 10-11 апреля 2012 года / М-во обр. науки РФ [и др.];



ред кол.: В.А. Шуняева, Е.А. Попова, С.А. Пучнина. - Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. - С. 370-374 (0,27 п.л.).

43. *Бахарев, Д.В.* Концентрация учреждений уголовно-исполнительной системы и уровень преступности в регионе: статистический анализ / Д.В. Бахарев // Уголовное наказание - социальное благо или зло? : материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 18-19 февраля 2011 года). - Екатеринбург : УрГЮА, 2012. - Ч. 2. - С. 10-13 (0,17 п.л.).

44. *Бахарев, Д.В.* Разработка и анализ криминологической классификации регионов Российской Федерации в 2001-2009 гг. с использованием кластерного подхода / Д.В. Бахарев // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (03-04 ноября 2011 г.). - Тюмень : ООО "Вектор Бук", Тюм. обл. Дума, ГАОУ ВПО ТО "ТГАМЭУП", 2011, Вып. 8. - С. 63-67 (0,35 п.л.).

45. Криминологическая экспертиза в системе мер противодействия транснациональной организованной преступности / Д.В. Бахарев, И.Я. Козаченко, О.Н. Родионова, Ю.В. Радостева и др. // Право и модернизация приоритеты и стратегия. Доклады исполнительного комитета к Пятой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса. - Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. - С. 37-44 (0,72 / 0,06 п.л.).

46. *Бахарев, Д.В., Степаненкова, З.В.* Преступность как общественное явление в русской литературе второй половины XIX века / Д.В. Бахарев, З.В. Степаненкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2011. - №8. - Ч.2. - С. 27-30 (0,41 / 0,26 п.л.).

47. *Бахарев, Д.В.* Может ли уголовный закон быть действенным регулятором экономических отношений в современной России? / Д.В. Бахарев // Медиативный потенциал уголовного права: материалы VII Международной научно-

- практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 20-21 февраля 2010 года). - Екатеринбург : УрГЮА, 2011. - С. 196-202 (0,37 п.л.).
48. *Бахарев, Д.В.* Критический анализ некоторых современных исследований территориальной дифференциации преступности в работах географов / Д.В. Бахарев // Право и правосудие: теория, история, практика: Сборник научных статей: Материалы Международной научно-практической конференции, состоявшейся 27 мая 2010 г. в Северо-Кавказском филиале ГОУ ВПО РАП. В 3 томах. Том 2. - Краснодар, 2011. - С. 12-16 (0,31 п.л.).
49. *Бахарев, Д.В.* Бедность как источник преступности (К юбилею одного знаменательного события в российской криминологии) / Д.В. Бахарев // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 21 февраля 2011 г.). Часть III. Международно-правовые и уголовно-правовые проблемы Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. - Уфа, 2011. - С. 110-113 (0,23 п.л.).
50. *Бахарев, Д.В.* Государство, общественная мораль и организованная преступность как современные институты социального регулирования / Д.В. Бахарев // Морально-этические и религиозные основы уголовного права: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 21-22 февраля 2009 года). - Екатеринбург : УрГЮА, 2011. - С. 85-91 (0,37 п.л.).
51. *Бахарев, Д.В.* Современные исследования социально-экономических факторов преступности в работах экономистов: помощь или препятствие для криминологов? / Д.В. Бахарев // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., 24 мая 2010 г./ ред. кол.: А.А. Гребеньков (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. - Курск, 2010. - С. 132-139 (0,44 п.л.).
52. *Бахарев, Д.В.* Традиции и современность в исследовании причин территориальной дифференциации уровня преступности / Д.В. Бахарев // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с

преступностью в современных условиях: Материалы Международной научно-практической конференции (02-03 ноября 2010 г.). Выпуск 7. Часть 1. - Тюмень : Тюменская областная Дума, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2010. - С. 74-80 (0,68 п.л.).

53. *Бахарев, Д.В.* Д.А. Дриль как представитель уголовно-антропологического направления в криминологии / Д.В. Бахарев // Вестник Югорского государственного университета. - 2007. - № 7. - С. 23-24 (0,2 п.л.).

54. *Бахарев, Д.В.* Размышления о причинах преступности в творчестве Ф.М. Достоевского / Д.В. Бахарев // Сборник научных трудов. Вып. 26. Гуманитарные науки / Сургут. гос. ун-т. - Сургут : Изд-во СурГУ, 2007. - С. 110-114 (0,25 п.л.).